

Н. Захарова

БИН СИНЬ И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Читателям предлагается перевод одной из частей книги китайской писательницы Бин Синь «Письма маленьким читателям» (1926). Публикацию предваряет биографическая справка об авторе, краткий комментарий к ее творчеству, позволяющий оценить степень новаторства молодого автора, соединившего в своей книге традиции восточной и западной литератур.

Ключевые слова: Китайская литература XX в., Бин Синь (Се Бинсин), «Письма маленьким читателям», традиция и новаторство в литературе.

Бин Синь (настоящее имя Се Ваньин, еще один псевдоним — Се Бинсинь) (1900–1999) пришла в литературу в период антифеодалного антиимпериалистического движения 1919 г., известного также как движение за новую культуру и литературу и вошедшего в историю Китая под названием «движение 4-го мая». Участники движения, в первую очередь студенты, помимо политических требований, заявляли о необходимости преобразований в области культуры и литературы.

Первым литературным опытом Бин Синь были короткие стихи, которые принесли ей популярность среди читателей. Эта популярность во многом объясняется стремлением молодой девушки через стихи выразить свои чувства, сделать их понятными читателю и найти в его лице сопереживателя. Стихи посвящены раздумьям о природе и о близости к ней художника и человека вообще, об особой миссии художника — служителя искусства. В этих поэтических миниатюрах Бин Синь выразила собственные впечатления, мысли о жизни и смерти, воспела ощущение счастья, идущее от дней ее детства. Этим же ощущением счастья наполнены первые рассказы о своем детстве, опубликованные в начале двадцатых годов.

До двенадцати лет круг общения Се Ваньин был ограничен домашними и семьей дяди, ставшим ее первым учителем. Не удивительно, что, когда она обратилась к теме детства, в основе повествования лежали собственные воспоминания, пронизанные

радостными чувствами. Она лишь абстрактно представляла, какими безрадостными, горькими, порой жестокими могут быть детские годы миллионов обездоленных китайцев, что отношения родителей и детей могут быть иными, нежели основанными на любви и понимании. Читатели же из ее рассказов узнавали о жизни, которой по воле судьбы были лишены, и восхищались ею.

Первые рассказы Бин Синь о детях открыли ее талант проникнуть во внутренний мир маленького человека, точно передать его переживания. Читателям imponировал жизнерадостный, светлый тон рассказов, свежесть восприятия, непосредственность и любовь к окружающим ее юным героям. Именно рассказы для детей были признаны самыми удачными у начинающей писательницы. Современники высоко оценили в них глубину чувств и умение найти отклик у читателей.

Эти рассказы были в равной степени адресованы и юным, и взрослым читателям. Непосредственно к детям Бин Синь обратилась в своем знаменитом цикле «Письма маленьким читателям», которые соединили в себе особенности китайского классического жанра «*бицзи*» («коротких записей») и форму дневников путешественника, заимствованную из европейской литературы, с которой Бин Синь знакомилась как подлинниках, так и в переводах.

Когда в двадцать два года Бин Синь отправилась в Америку, чтобы продолжить образование в университете, она в течение трех лет (1923–1926) в дневниковых записях, которым придала форму писем к маленьким адресатам, дает описание своей жизни в чужой стране и делится впечатлениями о том необычном и для нее, и для читателей ее писем, с чем она сталкивается вдали от родины.

«Письма маленьким читателям» публиковались в газете «Чэньбао» в 1923–1926 гг. О широком интересе китайских читателей говорит тот факт, что в 1928 г. шанхайское издательство «Бэйсинь шуцзюй» выпустило «Письма» отдельной книгой, а затем они



Бин Синь (1900–1999)

многokrратно переиздавались. Сама писательница дала следующую оценку своих «Писем»: «Среди созданного мною только это написано в высшей степени свободно, в высшей степени непринужденно». Так же, как и другие молодые китайские литераторы, обратившиеся к жанру дневниковой прозы, Бин Синь видела «несомненное достоинство дневникового жанра в сужении объективно-этического плана повествования, в свободной композиции, в непринужденном стиле, близком к стилю внутреннего монолога с его отрывистостью и недомолвками». Именно в такой манере созданы «Письма». В них перед читателем раскрывается внутренний мир молодой девушки, впервые расставшейся с родными. Эта полная свобода в выражении своих чувств, привычная для западного читателя, но необычная для китайцев, обеспечила популярность этой книги Бин Синь.

Бин Синь не случайно адресует свои письма детям. Она не прервала своей связи с миром детства, точно чувствовала, что может заинтересовать юных читателей в рассказах о путешествии в неведомую им страну. Бин Синь не стремилась ограничить повествование увиденным, многие страницы ее писем отданы описанию чувств. Это и тоска от разлуки с родными, и одиночество девушки, не сумевшей найти подруг среди однокурсниц, и отчасти критическое отношение ко всему западному миру.

«На долгом жизненном пути человека есть золотой век детства, его никому не дано прожить дважды. Детство — это правда в мечте, это мечта в правде». Так сказала Бин Синь в начале своего творчества. На протяжении последующих лет долгой творческой жизни она не изменяла своей любимой теме, теме детства.

Бин Синь
Письмо десятое

Дорогие друзья!

Обычно я садилась около мамы, прижималась к ее руке и просила рассказать о моем детстве. Мама задумывалась, улыбалась и негромко начинала:

— Тебе было три месяца, когда ты заболела. Заслышав шаги служанки, которая несла чашку с лекарством, ты начинала испуганно плакать. Даже если около твоей кровати стояло несколько человек, ты всегда останавливала свой взгляд на мне, как будто знала, что именно я — твоя мама.

При этих словах слезы появлялись у меня на глазах.

— Когда тебе исполнился месяц, на тебя надели в красное шелковое платьице, которое подарил твой дядя, на голове у тебя была красная ажурная шапочка. Я вынесла тебя в зал. С какой гордостью показывала я тебя всем родственникам!

— А в твои семь месяцев мы были на пароходе в море, и я, держа тебя на руках, стояла около перил, и под шум морских волн ты произнесла свои первые слова: «мама» и «сестра».

Этот эпизод моей жизни был предметом постоянных споров мамы и отца. Отец уверял, что в мире не найти ребенка, который в семь месяцев мог бы что-то произнести, а мама стояла на своем. Этот неясный эпизод так и не получил разрешения в истории нашей семьи.

Помню, как-то во сне я услышала жалобный голос нищенки и решила, что они забрали маму. От страха я покрылась холодным потом, лицо и губы посинели, от плача я ничего не могла сказать. Я выбежала из своей комнаты, к счастью, меня кто-то удержал. И долго после этого, когда я засыпала, мама оставалась около моей кровати.

Мне казалось, что я помнила про свой испуг ночью, но хотелось, чтобы мама еще раз рассказала про ту ночь. Но мама заговорила о другом:

— Как-то ты сильно заболела. Около твоей кровати постелили коврик, я взяла тебя на руки и опустилась на коврике на колени. Стояла жара, отец был на службе, ты что-то повторяла, какую-то фразу, то, что трехлетний ребенок обычно не говорит. Ты была слишком умной для своего возраста, и от этого я еще больше боялась за тебя. Я отправила отцу телеграмму, написала об опасности, угрожающей твоему здоровью и психике. Внезапно начался ливень, я, дрожащая от страха, ты, больная, твоя смертельно уставшая кормилица — все неожиданно уснули. Этот ливень вновь вернул нам тебя из объятий бога смерти.

Была ли я действительно так необыкновенно умна для своего возраста, как считала мама? В ее глазах все окружающее было разделено особым разумом, что уж говорить об обожаемой дочери!

— Прошло время, у тебя отросли волосы, но ты не могла ни минуты посидеть спокойно. Утром у тебя не было времени даже на то, чтобы заплести косички. Мы не знали, что делать, пока отец не придумал:

— Постой-ка, я тебя сфотографирую, — сказал он тебе.

Он принес фотоаппарат, сделал вид, что фотографирует, и вот мне уже заплели коротенькие косы. И эта процедура повторялась

несколько дней. Сейчас я удивляюсь, как я не понимала, зачем отцу надо было каждый день меня фотографировать!

— Твоей подругой стала кузина Бао, дочка тетушки Чэнь. Когда она приходила, я отводила вас в детскую, а сама могла поспать после обеда. Я спала чутко и слышала, как вы пускали в тазу с водой кукол и лошадок, изображая из них пароходы, расплескивали воду по полу.

Я совсем не помню сестрицу Бао, но, как говорит мама, в детстве я ее любила.

— Когда тебе было около четырех лет, отец захотел взять тебя на свой корабль, все стали суетиться, думая, как лучше одеть тебя. А ты незаметно сунула деревянного олененка в свою туфельку. На корабле отцу пришлось держать тебя на руках, потому что ты не могла и шагу сделать, все время падала. Когда у тебя сняли туфельку и увидели игрушку, отец рассмеялся:

— Глупышка! Что же ты ничего не сказала!

В этом месте рассказа мама обычно смеялась, я же, уткнув голову в ее колени, смущенно улыбалась. Сейчас я вспоминаю, как она спросила меня, почему я смущаюсь, когда она рассказывает про этот случай, ведь в этом нет ничего необычного. Ее воспоминания полны любовью!

— Ты всегда боялась, когда я сосредоточенно смотрела куда-нибудь, я до сих пор не могу понять, почему. Каждый раз, когда я задумчиво глядела в окно или просто о чем-то задумывалась, ты начинала тормозить, обнимать меня:

— Мама, почему ты смотришь в одну точку?

Маме нравилось, что я обнимаю ее, иногда она специально принимала задумчивый вид.

Я и сама не знаю, почему не любила, когда мама задумывалась. Может, в эти минуты на ее лицо появлялась печаль, и мне хотелось прогнать ее грустные мысли. Не знаю, это так и осталось для меня тайной.

— Со временем и ты стала о чем-то задумываться. Во время еды не отрывала взгляда от свитка с иероглифами, висевшего на стене, и пиалу с рисом ела несколько часов. Это меня беспокоило, и я велела снять свиток со стены.

Этот эпизод сохранился и в моей памяти, потому что и сейчас я могу часами сидеть в задумчивости.

Когда мама рассказывала об этом, я всегда улыбалась, но глаза сами собой увлажнились, и я тихонько вытирала слезы маминым

рукавом. В эти минуты мне казалось, что ничего в мире не существует, только мама и я, а потом, когда и меня не будет, останется мама, потому что я — всего лишь часть ее!

Какая это радость, слышать из уст мамы рассказы о том, как я росла! Мама уже знала меня, когда я только появилась на свет, она уже любила меня. Когда я очутилась в этом еще неведомом мне мире, она сразу прониклась любовью ко мне, любила меня, когда мне исполнилось три года, и я стала осознавать себя в этом мире, любить себя, познавать себя. И в конце концов я поняла, что я — это сотая, даже тысячная часть той, которую представляет мама.

Маленький друг! Когда ты знаешь, что в мире есть человек, который знает тебя, любит тебя, готов всем пожертвовать ради тебя, разве ты не будешь этим растроган до слез, не будешь безмерно любить его и желать ответной любви?

Я помню, еще маленькой как-то подошла к маме и спросила:

— Мама, ну почему же ты любишь меня?

Мама, отложив рукоделье, наклонившись ко мне, мягко ответила:

— Просто потому, что ты — моя дочь!

Маленький друг! Я верю, что многие могут повторить эти слова! Материнской любви не нужны какие-то условия, единственный мотив — это то, что я — ее дочь. Ее любовь очищающая, всеобъемлющая, это любовь ко мне сегодняшней, ко мне во всех моих проявлениях.

Как бы я хотела сейчас подойти к ней, единственной во всем мире, кто лучше других знает меня, кто окружает меня своей любовью. Она любит меня такую, какая я есть, любит мою душу, любит мое прошлое, настоящее и будущее!

Сейчас здесь, далеко от моего дома, началась гроза, море разбушевалось. Вздвигаются огромные волны, подобные горам, небо скрутилось, напоминая свиток синей бумаги. В небе летают листья, птицы спрятались в гнездах, звери ушли в норы. Все в природе пришло в смятение; но я мысленно укрылась в объятиях мамы... Никакая гроза не разрушит ее любовь ко мне!

Ее любовь не только окружает меня, она распространяется на всех, кто меня любит и кого я люблю, она любит всех детей в Поднебесной, еще больше она любит всех матерей в Поднебесной! Маленький друг! Есть одна простая для всех детей мысль, которая кажется взрослым полной глубокого смысла: «Любовь создала наш мир!»

В мире нет двух одинаковых вещей, так же, как у нас на голове не найти двух волосков, совершенно одинаковых по длине. В Поднебесной только материнская любовь, тайная или явная, проявляющаяся или скрытая, любовь моей мамы ко мне, твоей мамы к тебе, ее или его мамы к ней или к нему, материнская любовь всегда огромная и не уменьшается ни на йоту. Маленький друг! Когда я открыла для себя эту святую тайну, я разрыдалась от радости!

Меня охватило душевное волнение, я поняла, что моя болезнь не такая серьезная, я знала, что ты поймешь, что я хочу сказать! За окнами моей комнаты не стихает осенний дождь, но порывы ветра доносят аромат роз, которые неслышно прославляют «любовь матери-природы»!

Сейчас я далеко от мамы, но я знаю, что ее любовь со мной.

Маленький друг! Послушай, быстрее найди свою маму; если она вышла, жди, когда она вернется, все равно, в комнату или во двор вашего дома, а увидев ее, прижмись в ней и скажи:

— Мама, если у тебя есть время, расскажи, каким я был маленьким!

А потом садись около нее, прижмись к ее груди и услышь, как бьется ее сердце, смотри ей в глаза и слушай чудесный рассказ о своем детстве.

Я сейчас болею, рядом со мной нет мамы, и если ты, маленький друг, думаешь обо мне, это так радостно! Творец вручил меня моей маме и наградил меня даром мыслить, поэтому я думаю о материнской любви. Эти мысли так сладки!

Маленький друг!

Люби свою маму!

Бин Синь.

5 декабря 1923 г.

(Перевод Н. В. Захаровой)